

УДК 94(47).084.6

**ТРУДОВЫЕ БУДНИ КАНАЛОАРМЕЙЦЕВ.
ДМИТРОВСКИЙ ИТЛ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ КАНАЛА МОСКВА-ВОЛГА (1932-1937 гг.)**

© 2018 И.В. Удовенко

Институт российской истории Российской академии наук, г. Москва,
Государственный музей истории ГУЛАГа, г. Москва

Статья поступила в редакцию 04.09.2018

На основе архивных документов в статье анализируется производственная и лагерная повседневность каналoarмейцев – заключенных Дмитровского ИТЛ, занятых на строительстве канала Москва-Волга. Особое внимание уделено анализу исторического феномена «каналoarмеец» как социальному явлению эпохи принудительного труда.

Ключевые слова: ГУЛАГ, каналoarмеец, Дмитлаг, заключенные, канал Москва-Волга, принудительный труд, лагерная повседневность.

Строительству канала Москва-Волга посвящено немало научных исследований как в отечественной, так и зарубежной историографии. Первые публикации о канале стали выходить еще в период его сооружения¹. Сразу после окончания работ появилось несколько крупных изданий, среди которых выделяется книга «Канал Москва – Волга. 1932-1937»², подготовленная коллективом Бюро технического отчета о строительстве канала Москва-Волга НКВД СССР под руководством главного инженера С.Я. Жука. В книге даны общие сведения о канале: хозяйственные предпосылки его постройки, природные условия, основные характеристики проекта, но нет достоверной информации о том, кто и в каких условиях этот канал строил.

В советское время по истории строительства канала выходило множество как научной, так и популярной литературы, справочников, путеводителей, приуроченных к юбилейным датам строительства канала³, но ни одна из этих работ не касалась проблемы использования труда заключенных на канале.

Первые научные публикации, в которых история строительства канала тесно увязывалась с историей Дмитровского исправительно-трудового лагеря, появились только после «архивной революции». На рубеже 2000-х годов российские историки А.И. Кокурин и Н.В. Петров опубликовали цикл статей, посвященных истории Дмитлага. Основным источником для данного исследования послужили приказы по Дмитровскому ИТЛ, хранящиеся в ГА РФ. На их основе авторы раскрыли структуру и деятельность лагеря, а также определили основные вехи в истории строительства канала⁴.

*Удовенко Илья Витальевич, аспирант Института российской истории РАН, старший научный сотрудник Государственного музея истории ГУЛАГа.
E-mail: ilvitud@gmail.com*

Заметным событием в историографии данного вопроса стал выход в 2005 г. сборника документов «Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930-1953», составленного А.И. Кокуриным и Ю.Н. Моруквым⁵. Одна из глав этого сборника посвящена каналу Москва-Волга. Главу предваряет вводная статья по истории Дмитровского лагеря и строительства канала, основанная на делопроизводственной документации Дмитлага и Москаналстроя. Этот раздел сборника состоит преимущественно из правительственных постановлений и приказов ОГПУ-НКВД, касающихся вопросов строительства канала (всего 24 документа), по которым можно составить вполне определенную картину одной из главных строек 1930-х гг.

Каналoarмейцы – так в средствах массовой информации и документации 1930-х гг. официально именовались заключенные, участвовавшие в сооружении двух крупнейших объектов первых пятилеток: Беломорско-Балтийского канала и канала Москва-Волга. Введение в пропагандистскую лексику термина «каналoarмеец» было вполне сознательным решением со стороны советской власти, которая с начала 1930-х гг. видела в заключенных не просто уголовный и антиобщественный элемент, но прежде всего бесплатную рабочую силу. Еще в первой половине 1920-х гг. в системе госбезопасности СССР существовали лагеря особого назначения, целью которых, по выражению руководителя ОГПУ Ф.Э. Дзержинского, были колонизация новых незаселенных пространств и самоокупаемость посредством использования труда заключенных⁶.

В таких лагерях содержались в основном классовые враги советского государства и политические заключенные, переведенные из концентрационных лагерей крупных городов. К началу 1930-х гг. на территории Советского Союза существовало семь лагерей ОГПУ, расположенных преимущественно в отдаленных регио-

нах: на Европейском Севере, Дальнем Востоке, в Сибири и Средней Азии. Заключенные этих лагерей не были заняты на крупных строительных объектах союзного масштаба, их труд чаще всего использовался на небольших производствах местного значения. Первые лагеря ОГПУ были попыткой создания особых самостоятельных «лагерей-государств», где заключенные своим трудом осуществляли полное самообеспечение. Самым крупным и известным лагерем такого рода в тот период был Соловецкий лагерь особого назначения. Расположившись на отдаленном острове в Белом море, лагерь функционировал по принципу самостоятельного государства. Заключенные полностью обеспечивали внутреннюю инфраструктуру, промышленную и хозяйственную деятельность. В лагере существовали собственные деньги, почта, телеграф, аэродром, железнодорожное сообщение. До создания в 1930 г. ГУЛАГа руководство ОГПУ ставило перед собой в качестве одной из основных целей психологический слом, подавление классового врага и искоренение всякого рода инакомыслия.

В 1929 г., в год «великого перелома», вышло постановление СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключенных», которое легитимизировало применение подневольного труда в качестве одной из главных составляющих мобилизационной модели советской экономики. Созданное в 1930 г. Главное управление лагерей являлось своего рода новой формацией пенитенциарной системы в СССР. Новый главк видел своей задачей уже не просто обустройство и колонизацию обширных незаселенных пространств, а повсеместное вовлечение заключенных в качестве основной рабочей силы в строительство крупных объектов. С этого времени речь идет уже не только о создании отдельных «лагерей-государств», но о формировании масштабных лагерно-промышленных комплексов. Первым серьезным производственным опытом ГУЛАГа стало строительство Беломорско-Балтийского канала. Именно здесь, на одной из главных строек первой пятилетки, зародилось понятие, традиционно приписываемое начальнику ГУЛАГа Л.И. Когану, – «заключенный-каналоармеец». В исторической публицистике существует мнение, что именно из этого словосочетания родилась всем известная аббревиатура «з/к».

В годы первых пятилеток, как на строительстве Беломорско-Балтийского канала, так и на сооружении канала Москва-Волга, государственная пропаганда всеми доступными средствами продвигала идею социальной трансформации лагерного населения – так называемой «перековки». В лагерях выходили газеты – главный рупор пропаганды культурно-воспитательных отделов лагерей ОГПУ-НКВД. Самая известная газета Дмитровского ИТЛ – «Перековка» – выходила на территории лагеря в течение всего периода строительства канала, т.е. с 1932 по 1937 г.

Необходимо заметить, что эпоха 1930-х гг. была насквозь пропитана идеей восхваления народного труженика. В 1938 г. вышла эпическая кинокартина Г.В. Александрова «Волга-Волга» о жизни и достижениях советского народа, его победах над силами природы. С окончанием стройки гидротехническая часть сооружений канала в значительной мере должна была уйти под воду. Чтобы выявить и подчеркнуть ее грандиозность, техническую мощь канала, значительное внимание было уделено архитектурному оформлению надводной части сооружений и эксплуатационных зданий. Архитектура должна была в новых формах раскрыть идейное содержание той эпохи, подчеркнуть значение «стройки века», отобразить достижения самой передовой техники и высокого строительного пролетарского искусства.

Вполне естественно, что в такой атмосфере государственного пафоса созидания было бы неуместным объявить, что на главной стройке второй пятилетки работают обычные заключенные, то есть контрреволюционеры, уголовники и другие антиобщественные элементы. 7 ноября 1932 г. вышел соответствующий приказ № 34 Дмитровского ИТЛ, согласно которому все заключенные, занятые на строительстве канала Москва-Волга, получили официальный статус «каналоармейцев» по аналогии с заключенными Белбалтлага⁷.

Необходимо отметить, что Дмитровский лагерь, образованный в 1932 г., комплектовался, в частности, из заключенных Белбалтлага, которые к тому моменту уже имели личный опыт «ударного» строительства Беломорско-Балтийского канала и в целом знали лагерную систему изнутри. Первоначальный лимит наполнения Дмитровского лагеря был определен в 10000 человек. Но за годы строительства канала Дмитровский лагерь стал крупнейшим по численности заключенных (2-е место после Байкало-Амурского ИТЛ) лагерным образованием за всю историю ГУЛАГа. Уже в 1933 г. среднегодовая численность лагерного населения превышала 50000 человек, в 1934 г. – 150000. Максимальных показателей по числу заключенных лагерь достиг в 1935-1936 гг. – свыше 192000 человек. Лагерное пространство Дмитровского ИТЛ также имело тенденцию к постоянному расширению: от небольшого лагерного пересыльного пункта на территории Борисоглебского монастыря г.Дмитрова до огромного лагерно-промышленного комплекса, занимавшего обширные территории вдоль канала Москва-Волга от современного г.Дубна до села Шелепиха под Москвой. Всего в структуре лагерного производства насчитывалось 14 участков общей протяженностью свыше 120 км.

К строительству канала были прикованы взгляды всех центральных средств массовой информации, канал широко обсуждался за рубежом, неоднократно стройку посещали высшие руководители и деятели культуры СССР. В связи с таким пристальным вниманием к объекту

Дмитлаг стал своего рода витриной ГУЛАГа, образцово-показательным лагерем, в котором работают не просто обычные заключенные, а своего рода трудовые отряды «каналоармейцев». В Дмитлаге специальным приказом в 1933 г. даже был организован музей строительства канала, в задачи которого входило: освещение общего значения стройки, ее истории, условий, в которых она протекала, техники и работы по трудовому перевоспитанию заключенных.

В период строительства канала вышла книга Иды Авербах, жены Г.Г. Ягоды, «От преступления к труду» под редакцией Прокурора СССР А.Я. Вышинского⁸. Авербах провела, вероятно, первый в историографии (и единственный до 1990-х гг.) анализ производственной деятельности исправительно-трудовых лагерей. Она охарактеризовала систему ГУЛАГа как средство «превращения наиболее скверного людского материала в полноценных активных сознательных строителей социализма»⁹. Основным сюжетом в книге Авербах стала «перековка» антисоветского элемента в труженика, ударную единицу советского государства. Этот воспитательный прием («перековку») А.Я. Вышинский охарактеризовал во вступительной статье к изданию как действие, осуществляемое «посредством диалектического сочетания принципа подавления и принуждения с принципом убеждения и перевоспитания»¹⁰. После ареста и расстрела Г.Г. Ягоды и И.Л. Авербах в 1938 г. тираж книги подлежал уничтожению, в настоящее время она является библиографической редкостью.

Основой жизни и быта заключенных в пространстве лагеря являлись различного рода социальные практики, которые главным образом можно поделить на повседневность поощрения и повседневность наказания. Каждый элемент повседневности состояния заключенного регламентировался сверху в директивном порядке. Приказной характер обывденной жизни заключенного являлся главной нормой лагерного бытования. Основной социальной практикой заключенных любого лагеря, в том числе и Дмитровского, являлся труд как физический, так и умственный. Работа в лагере определяла все стороны жизни. Труд и нормы труда формировали внутреннюю иерархию заключенных, обуславливали их быт и условия содержания и в целом, что особенно важно, степень их свободы. Благодаря характеру своего труда заключенные имели или не имели привилегии, административные должности, наконец, социальное положение в лагере. Таким образом, можно говорить о феномене труда не как о форме производственной деятельности, а как о форме приспособления. Кроме того, лагерь как социальное пространство был местом, порождавшим огромное количество конфликтов в виде столкновения интересов пенитенциарного аппарата, государственной пропаганды и заключенных. Перед аппаратом лагеря стояла

конкретная производственная задача – сооружение канала. Пропаганда, на которую затрачивались значительные государственные ресурсы, осуществляла хоть и весьма заметную, но все же декоративную социальную нагрузку по «перековке» заключенных. Субъекта же этих отношений, заключенного-каналоармейца, волновали, в сущности, две главные проблемы – выживание и обретение воли. Именно практика выживания является основной задачей на протяжении всего пребывания заключенного в лагерном социуме. Таким образом, конфликт интересов, с одной стороны, лагеря как аппарата, с другой – заключенного как инструмента, является краеугольным камнем в изучении всего лагерного социума.

Распорядок рабочего дня каналоармейца регламентировался приказом от 9 октября 1932 г.¹¹ Подъем в лагере осуществлялся в 5:30, после чего заключенные отправлялись на завтрак, который длился до 6:30. После столовой начинался процесс развода на работу: заключенные выстраивались в колонну по 5 человек, для удобства счета, и также пятерками отправлялись на территорию рабочей зоны. Трудовой день в Дмитлаге длился 10 часов, до 17:00. Обед заключенным полагался лишь после окончания рабочего дня, после того как будет подсчитана выполненная норма. Нормы в лагере, по сути, определяли уровень жизни, в соответствии с ними заключенные получали полный, урезанный либо льготный паек питания и денежные премии. Нормы питания заключенных делились на несколько категорий: «А» и «Б» – для заключенных, занимающих административно-хозяйственные должности, а также для заключенных, не работающих по причинам, от них не зависящим; производственная норма – для заключенных, занятых на тяжелой физической работе; усиленная норма – для заключенных, занятых на особо тяжелых физических работах (лесорубы, сплавщики, землекопы и др.), штрафная норма – для заключенных, подвергнутых дисциплинарному взысканию или находящихся под следствием. Отдельные нормы питания в лагере получали беременные женщины и дети. В праздничные дни, например в день годовщины Октябрьской революции, заключенные могли получать добавку до 25% от своей нормы¹². Кроме того, в праздничные дни руководство канала любило делать широкие жесты, например, предоставлять амнистию тем заключенным, которые находились под административным арестом в изоляторах.

Трудовой день каналоармейца начинался и заканчивался лозунгом «Труд в СССР – дело чести, дело славы, дело доблести и геройства!», который украшал входные ворота рабочей зоны. Пафос ударного труда, геройства и мужества наполнял лагерную жизнь заключенных. Практически все административные и жилые здания лагеря (баракы, столовая, клуб, контора, лазарет и др.) были снабжены яркими пропагандистскими лозунгами и плакатами: «Каналоармеец! От жаркой работы

растает твой срок!», «Каналоармейцы! ОГПУ дает вам возможность через ударный труд при безукоризненном поведении заглаживать свои преступления перед Советской властью», «Минуты медлить нам нельзя, должна быть Волга у Кремля», «Лесоруб! Ты также каналоармеец, не отставай от темпов на канале». По всей территории жилой зоны лагеря были расставлены информационные стенды, также заполненные лозунгами и приказами по лагерю, списками заключенных-ударников и провинившихся заключенных («филонов» и «симлодов»). Кроме того, на территории рабочих зон располагались мегафоны, которые транслировали передачи лагерного радио таким образом, что даже во время работы заключенные получали свою дозу пропагандистского материала. Социальное поощрение и порицание являлись нормой для советского общества на протяжении всех лет существования СССР, недаром писатель и публицист И.Л. Солоневич, отбывавший срок наказания в Белбалтлаге, писал: «...ничем существенным лагерь от «воли» не отличается. В лагере если и хуже, чем на воле, то очень уж не намного – конечно, для основных масс лагерников, для рабочих и крестьян. Все то, что происходит в лагере, происходит и на воле – и наоборот. В лагере основы советской власти представлены с четкостью алгебраической формулы»¹³.

После обеда и до отбоя (до 22:00) лагерники оказывались в распоряжении культурно-воспитательной части. После отбоя для заключенных устанавливался более строгий режим пребывания в лагере. Запрещалось любое передвижение по территории лагеря, определялись запретные зоны хождения. Заключенным разъяснялось, что их появление в ночное время на линии огня запретной зоны будет рассматриваться как попытка совершить побег, поэтому оружие будет применяться без предупреждения. Согласно приказу от 6 декабря 1932 г. каналоармейцам предоставлялись 4 выходных дня в месяц: 7, 14, 21 и 28 числа.

Отдельным видом стимуляции труда в лагере являлась система премиальных вознаграждений, размер которых определялся по разрядам труда, установленным в зависимости от тяжести работ и от квалификации используемых заключенных, а также по проценту выполнения производственных норм. Выплата премвознаграждений производилась два раза в месяц. Если заключенный выполнял 80% нормы, ему выплачивалось 50% основной ставки, если выполнял 90%, премвознаграждение составляло 75% ставки. При выработке менее 80% нормы – премвознаграждение не выплачивалось¹⁴. Премиальные рассчитывались исходя из следующего соотношения: 100% выработки нормы соответствовали 12 руб. премии. Каждый дополнительно выработанный процент производственной нормы соответствовал 12 копейкам премии¹⁵.

Отдельным видом стимулирования труда в лагере являлось социалистическое соревнование

между бригадами и пропаганда стахановского труда. Такого рода попытки организации производства, как правило, терпели поражение по причине плохих бытовых условий жизни и труда каналоармейцев. Лагерное начальство всех уровней старалось в своих отчетах обязательным делом упомянуть о невероятных прорывах в области политико-воспитательной работы с заключенными, доложить о победах в соцсоревновании и т.д. Между тем делопроизводственная документация Дмитлага пестрит заявлениями начальников и бригадиров о чрезвычайно плохом бытовом устройстве жилых зон лагеря, о недопустимом состоянии самих заключенных. Довольно частым явлением в лагере был невыход заключенных на работы ввиду «полной раздетости»¹⁶. Кроме того, организация производственных работ на канале была далека от совершенства, в итоге все это неоднократно приводило к переносу сроков пусков отдельных участков. Прорабы заблаговременно не представляли заявки на необходимую им рабочую силу. В результате чего в течение рабочего дня, когда выявлялась дополнительная потребность в людях или лошадях, начинались переброски бригад с одних работ на другие, влекущие за собой потерю рабочего времени¹⁷. Из-за постоянных срывов сроков сдачи объектов с весны 1933 г. на всех участках канала были введены ночные рабочие смены¹⁸.

Несмотря на мощный пропагандистский прессинг, дисциплина среди заключенных Дмитлага, как и всего ГУЛАГа, оставалась всегда на весьма низком уровне, особенно среди заключенных, занимавших административные посты: «При посещениях трассы неоднократно отмечаются случаи отсутствия на работах среднего и низшего техперсонала – прорабов, техников, десятников. Отмечены случаи прямого нарушения дисциплины – самовольный, без разрешения старших техработников уход с работ»¹⁹. Не лучше обстояли дела и с дисциплиной самих руководящих сотрудников, в том числе и оперативного состава, что отрицательным образом сказывалось как на общей продуктивности лагерных отделений, так и на состоянии всех лагерников. Проверки нередко фиксировали такие ситуации: «Жаров Петр Леонтьевич, будучи назначен на должность Начальника 13 Отделения Дмитлага ОГПУ, по прибытии на место работы объявил себя больным. При проверке этого обстоятельства оказалось, что тов. Жаров не вышел на работу по причине пьянства»²⁰.

Несмотря на огромное количество заключенных, занятых на строительстве канала, рабочих рук из-за отсутствия должной механизации все равно не хватало. Это приводило к тому, что многих специалистов-заключенных (финансово-счетных работников, конторских служащих и др.) в нарушение инструкций и приказов использовали на общих тяжелых работах. Кроме того, как и большинство строек ГУЛАГа, многие объекты ка-

нала Москва-Волга строились без предварительной подготовки, что в результате отрицательно сказывалось на производительности труда заключенных и на их труде в целом. В приказах по лагерному строительству не раз отмечалось: «Новые сооружения строятся без всяких смет, в тех случаях, когда сметы имеются, постройка зданий с самого начала производится не по смете, без внесения в смету соответствующих коррективов»²¹.

Изнуряющий физический труд лагерников сочетался с тяжелыми бытовыми условиями, в которых они содержались, о чем свидетельствовали многочисленные инспекторские проверки жилых зон лагеря: «Заключенные содержатся в недостаточно отепленных бараках. По всем баракам отсутствуют баки для питьевой воды. Заключенные пропускаются через баню вне графика, имеют место случаи, что заключенные не бывают в бане по 12-15 дней. Во всех бараках имеются вши, в том числе и в стационаре. Белье заключенным в бане выдается грязное, со вшами. Прибывшие этапы не подвергнуты медицинскому обследованию по установлению категории, среди женщин есть беременные в последних месяцах беременности и есть с венерическими заболеваниями. Политико-воспитательной работы почти не ведется, газеты отсутствуют, радиоустановки до сего времени не действуют»²².

Анализируя вышеперечисленные факты, можно сделать вывод о том, что вся государственная пропаганда, политико-воспитательная работа, так называемое стахановское движение в лагере и соцсоревнование являлись своего рода «туфтой» и «очковтирательством» на государственном уровне, видимостью выполненной работы. Эти жаргонные понятия зародились в лагерной повседневности и относились в основном к работе заключенных, но эта самая «туфта» активно практиковалась и в верхних эшелонах лагерного руководства, постепенно спускаясь вниз и охватывая все стороны лагерного про-

изводства. Гордое звание «каналоармейца» на деле оказалось еще одной выдуманной витринной вывеской для определенной части советского общества, которое, несмотря на пережитые репрессии, училось жить и думать с помощью громких фраз и лозунгов типа: «Догнать и перегнать», «Жить стало лучше, жить стало веселее», «Труд в СССР – дело чести, дело славы, дело доблести и геройства!».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Яковлев А.С. Большая Волга: очерки. М., 1933.
- ² Канал Москва-Волга. 1932-1937. М.-Л., 1940; Медведев А.М., Шабуров Ю.Н. Москва – порт пяти морей. М., 1985.
- ³ Соботович И.Д., Соботович Е.П. По каналу имени Москвы: путеводитель. М., 1962.
- ⁴ Кокурин А., Петров Н. ГУЛАГ: Структура и кадры // Свободная мысль. 1999. №11. С.107-125. Они же. ГУЛАГ: Структура и кадры // Свободная мысль. 1999. №12. С.94-111. Они же. ГУЛАГ: Структура и кадры // Свободная мысль. 2000. №11. С.108-123.
- ⁵ Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930-1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М., 2005. С.59-102.
- ⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.76. Оп.3. Д.149. Л.50-50об.
- ⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф.9489. Оп.2. Д.6. Л.57.
- ⁸ Авербах И.Л. От преступления к труду. М., 1936.
- ⁹ Там же. С.4.
- ¹⁰ Там же. С.VI.
- ¹¹ ГА РФ. Ф.9489. Оп.2. Д.6. Л.19.
- ¹² Там же. Л.28-31.
- ¹³ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. М., 1999. С.8.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф.9489. Оп.2. Д.6. Л.45.
- ¹⁵ Там же. Л.46.
- ¹⁶ Там же. Л.108, 109.
- ¹⁷ Там же. Л.106.
- ¹⁸ Там же. Д.10. Л.17.
- ¹⁹ Там же. Л.94.
- ²⁰ Там же. Д.16. Л.34.
- ²¹ Там же. Л.101.
- ²² Там же. Д.18. Л.19-23.

WORKING ROUTINE OF THE CONVICTS (KANALOARMEETS). DMITROVSKY LABOUR CAMP DURING THE CONSTRUCTION OF THE MOSKVA-VOLGA CANAL (1932-1937)

© 2018 I.V. Udovenko

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow
GULAG History Museum, Moscow

On the basis of archival documents, the author analyses productive and camp routine of the convicts (kanaloarmeets) of the Dmitrovsky labour camp, who were involved in construction of the Moskva-Volga Canal. Close attention is devoted to the analysis of the historical idea of the «kanaloarmeets» as one of the social phenomena of the forced labour era.

Keywords: GULAG, kanaloarmeets, Dmitlag, convicts, Canal Moskva-Volga, forced labour, camp routine.